

Лань Чэянь, намеренно создававший эффектное впечатление, довольно улыбнулся, увидев, как Фань Юцзюэ его опасается. Он считал, что такой живой Фань Юцзюэ куда интереснее, чем когда он молчит, словно запертый в кувшине.

Фань Юцзюэ, осознав, что попался на уловку Лань Чэяня, смутился, но, к счастью, пришло время идти в ванную. Правда, там его ждало разочарование: стены оказались прозрачными. Ощущение, будто он оказался в ловушке, где спереди тигр, а сзади — пустота, повергло его в уныние.

Он едва заставил себя переступить порог, но, когда пришло время снимать халат, внезапно вспомнил, что владеет Магией. Наконец-то он смог выдохнуть. Взмахнув рукой, он покрыл стены ванной непрозрачной пленкой. Лишь когда он перестал видеть хищный взгляд Лань Чэяня, на его лице появилась довольная улыбка.

Разумеется, пока Фань Юцзюэ принимал душ, Лань Чэянь тоже не сидел без дела. Он схватил с прикроватной тумбочки упаковку и начал её рвать, но, заглянув внутрь, поморщился от брезгливости. Однако останавливаться было нельзя. Пришлось доставать содержимое с помощью салфетки, а вот дальше возникла проблема: нужно было что-то надеть на предмет, прежде чем выбросить. Если просто выбросить без этого, выглядеть будет фальшиво — уборщики решат, что они либо извращенцы, которые просто ради забавы вскрыли упаковку, либо что у них попросту не стоит.

Если бы он был один, плевать, что о нем подумают, но ведь они здесь вдвоем, изображают пару. Приехать в отель и не заняться этим — это же верх безумия. Лань Чэянь, решивший, что все должно выглядеть правдоподобно, не найдя подходящего предмета, просто наколдовал его. Натянул перчатки и принялся за работу.

Его лицо было серьезным, как у хирурга во время операции. Он не смел медлить, не смел расслабляться. Хмурясь, он вскрывал упаковку за упаковкой, и обертки падали на пол одна за другой. Наконец, Лань Чэянь прикинул, что для способностей Фань Юцзюэ этого количества будет достаточно — ни много, ни мало. Впрочем, он добавил еще несколько штук от себя, чтобы уж точно сохранить лицо.

Вдруг он осознал, что в своих мыслях уже определил себя на роль того, кто снизу, и это вызвало у него прилив досады.

— А что, если это он снизу? Нельзя же заранее ставить себя в такое положение! Но какая разница, если это я...

Лань Чэянь окинул взглядом гору упаковок и почувствовал, что слово «яростный» здесь уже не подходит. Вряд ли хоть один человек способен на такое количество раз. Его охватило преувеличенное чувство стыда.

— Действительно, многовато. Но ведь страсть — вещь непредсказуемая, вдруг и правда понадобится за одну ночь?

Не заботясь ни о чем, Лань Чэянь разбросал свою одежду по комнате, а чтобы добавить

деталей, лег на кровать и начал кататься, сменяя простыни и одеяло. Потрудившись в одиночку, он выдохся и, растянувшись на кровати звездой, тяжело дышал.

Эту картину и застал Фань Юцзюэ, выйдя из ванной. Сначала он опешил: Лань Чэянь был в халате, завязанном лишь на один пояс, раскинув руки и ноги. Верх халата распахнулся, обнажив половину груди, плечо оголилось, а длинные стройные ноги так вызывающе демонстрировали себя, что казалось, стоит присмотреться — и увидишь нечто запретное.

Увидев гору упаковок, напоминающих опавшие лепестки, и намеки на бурную ночь, Фань Юцзюэ застыл на месте. Осознав, что в мусорном ведре их должно быть еще больше, он в изумлении воскликнул:

— За кого он меня принимает? За животное, которое живет только одну ночь? Это же перебор!

Но когда внимание Фань Юцзюэ вернулось к тяжело дышащему Лань Чэяню, у него пересохло в горле. Мозг начал рисовать картины, а когда разум теряет контроль, тело следует за ним. Опасность заключалась в том, что Лань Чэянь, не заметивший выхода Фань Юцзюэ, потянулся, перевернулся и издал томный, соблазнительный стон.

Внезапно их взгляды встретились. Атмосфера мгновенно стала неловкой. Фань Юцзюэ в панике попытался отвести глаза, но Лань Чэянь, заметив, что тот подумал не о том, окликнул его:

— Не смей отводить взгляд. Скажи, что ты сейчас подумал.

Фань Юцзюэ оказался в тупике. Он что-то мямлил, но так и не смог выдавить ни слова. Лань Чэянь просто сел, скрестив ноги, и, словно неподкупный судья, начал его допрос:

— Ты подумал не то, верно? Неужели ты решил, что это я только что использовал все эти вещи в одиночку? Ты ведь так подумал?

Фань Юцзюэ, чьи мысли были угаданы, теперь не смел ни отрицать, ни признаваться, поэтому просто опустил голову и замолчал. Лань Чэянь, избавившись от чувства стыда, поправил халат, встал и спокойно произнес:

— Мужчинам свойственно думать в таком ключе, это нормально. Но в этот раз все иначе. Раз мы играем роль влюбленных, то, остановившись в отеле, не можем же мы ничего не делать. Я просто подготовил все заранее, чтобы ты не смущался.

Фань Юцзюэ понимал, что это лишь отговорка, и хотел было возразить, но Лань Чэянь перебил его:

— Молчи, я знаю, что ты хочешь сказать. Если все делать только магией, то как это будет выглядеть по-настоящему? Нужно приложить личные усилия, чтобы не было изъянов.

Фань Юцзюэ, который уже перестал об этом думать, услышав про личные усилия и взглянув на следы, невольно опустил взгляд, озадаченный временем. По выражению лица Фань Юцзюэ

Лань Чэянь понял, что именно его удивляет, и, снимая носки, небрежно бросил:

— Конечно, это не то, о чем ты подумал, если включить мозги. Я использовал руки, наколдовал кое-что похожее, терпел и ругал себя за извращенство. Где бы я взял столько времени?

Лань Чэянь блефовал, но в такой ситуации другого выхода не было. В конце концов, он тоже направился в ванную:

— Раз ты закончил, теперь моя очередь. Нам нужно, чтобы от геля для душа и шампуня пахло одинаково, иначе не поверят.

Дверь за Лань Чэянем закрылась, и Фань Юцзюэ в отчаянии повалился на кровать, уткнувшись лицом в матрас и глухо рыча. В таком же состоянии был и Лань Чэянь: несмотря на внешнее спокойствие, он мечтал сбежать, потому что было ужасно неловко. За закрытой дверью он прислонился к стене и начал бить себя в грудь, коря за те звуки и действия, что он только что совершил. Но время было вспять не повернуть, и этот кошмарный момент никак нельзя было стереть из памяти Фань Юцзюэ.

Подавленный Лань Чэянь с досадой сорвал с себя халат, швырнул его на стиральную машину, включил воду и беззвучно закричал под струями душа.

После того как время немного сгладило острые углы, они успокоились. Фань Юцзюэ, чей халат уже успел пропитаться запахами и следами, переоделся в чистое и сел на нетронутый диван. Вышедший из ванной Лань Чэянь, увидев, что Фань Юцзюэ спокоен, тоже выдохнул. Он сменил халат тем же способом и бросил его на кровать. Посмотрев на плоды своих трудов, Лань Чэянь довольно улыбнулся: выглядело очень правдоподобно.

Затем он подошел к дивану, обнял Фань Юцзюэ за талию и сделал несколько фотографий, слегка отредактировал их и отправил Юй Иньяню. Фань Юцзюэ, немного заторможенно наблюдавший за суетой Лань Чэяня, не сразу нашелся, что сказать.

Было уже шесть утра. Вокруг царил тишина, но именно эта тишина позволила Фань Юцзюэ что-то почувствовать. Не дожидаясь реакции Лань Чэяня, он притянул его к себе, закрывая своим телом. Почти в ту же секунду в вазу, стоявшую рядом с Лань Чэянем, попала пуля. Звук выстрела заставил Лань Чэяня вздрогнуть. Лишь осознав, что произошло, он понял, что Фань Юцзюэ только что спас ему жизнь.

Но Лань Чэяня испугало не само покушение, а ярость, которая мгновенно вспыхнула внутри. Он начал орать в сторону, откуда прилетел выстрел:

— Где совесть?! Я еще фотографии не доредактировал! Где ты? Посмотрим, кто это...

Не успел он закончить фразу, как Фань Юцзюэ зажал ему рот и приказал молчать, одновременно выслеживая нападавшего. Фань Юцзюэ размышлял: если здесь осмелились использовать оружие с глушителем, значит, у убийцы есть мощная поддержка, поэтому он так бесстрашен и уверен в успехе. Но нарвавшись на Фань Юцзюэ и промахнувшись, киллер не

решился стрелять второй раз. Началась игра в кошки-мышки. Лань Чэянь, не выдержав, оттолкнул руку Фань Юцзюэ и прорычал:

— Чего ты меня затыкаешь? Иди и разберись с ним!

Фань Юцзюэ, не желая, чтобы Лань Чэянь шумел, снова прижал его к себе, крепче контролируя, и не сводил глаз с убийцы. Лань Чэяню ничего не оставалось, как снова взяться за телефон и продолжать редактировать фото, полностью игнорируя стрелка, так как считал это неважным.

Они просидели так долго, и когда Фань Юцзюэ решил, что противник ушел, он наконец отпустил Лань Чэяня. Но Лань Чэянь лежал у него на груди, поэтому даже после того, как Фань Юцзюэ отстранился, он не пошевелился. Напротив, он, опираясь руками на тело Фань Юцзюэ, неторопливо возился с фотографиями. Наконец, выбрав нужную, он нажал отправить и лишь тогда с довольным видом поднялся. Фань Юцзюэ остался лежать на диване, ожидая, когда тот встанет. Поднявшись, Лань Чэянь не удержался от комментария:

— Слишком жестко, совсем неудобно.

Фань Юцзюэ, снова подумав не о том, перевел взгляд ниже, а потом смущенно посмотрел на Лань Чэяня. Заметив это, тот рассмеялся:

— Эй, ты, молчун, мысли у тебя сплошь в цвете! Я про грудь говорил, ты куда смотришь?

Фань Юцзюэ, чьи мысли снова были прочитаны, неловко сел и начал оправдываться:

— С кем поведешься, от того и наберешься. Если в моей голове и есть яркие краски, то только из-за тебя.

Лань Чэянь, услышав это, внезапно набросился на него, как голодный волк, но на полпути Фань Юцзюэ остановил его ладонью и предупредил:

— Не дури. Разве ты ничего не почувствовал от того, что случилось только что? Скорость киллера — у тебя нет никаких мыслей по этому поводу?

Лань Чэянь, чья атака провалилась, отступил и сел, ответив:

— Разве это не тот результат, которого мы добивались? Чем быстрее они действуют, тем больше нервничают. А когда люди нервничают, они совершают ошибки. Разве при таком раскладе наш прогресс не ускорится?

После слов Лань Чэяня Фань Юцзюэ вдруг осознал: они не просто что-то делают, они используют человеческую натуру, чтобы победить человеческую же натуру. Но чтобы достичь эффекта, нужно позволить событиям идти своим чередом. Однако Фань Юцзюэ не понимал одного и вынужден был спросить:

— Но почему ты не боишься пуль? Ты ведь тоже человек, можешь пораниться, почувствовать

боль, умереть. Но ты выглядишь так, будто тебе совсем не страшно.

Услышав, что Фань Юцзюэ интересуется именно это, Лань Чэянь, небрежно отмахнувшись, ответил:

— Чего бояться? Ведь рядом есть ты.

Эта фраза поставила Фань Юцзюэ в тупик. Он опасался, что Лань Чэянь привыкнет к этому, и боялся, что ни к чему хорошему это не приведет. Но если он хотел продолжать свое дело, то должен был оставаться рядом с Лань Чэянем. Это противоречие заставило Фань Юцзюэ задуматься, как реагировать.

Лань Чэянь, заметив, что Фань Юцзюэ нахмурился, отложил телефон, глубоко вздохнул и принялся наставлять его:

— На самом деле, тебе не нужно так мучиться. Я знаю, почему ты рядом со мной — чтобы контролировать меня, верно? Ну так и делай свое дело. А если вечно следишь за мной, почему бы не присоединиться? Это куда веселее, чем смотреть со стороны. К тому же, ждать, пока я совершу ошибку, скучно — лучше лови меня на ней в моменте.

Фань Юцзюэ обдумал его слова и решил, что это вполне осуществимо. К тому же, он сможет заниматься своими делами, поэтому ответил:

— Пожалуй, это будет интереснее.

Лань Чэянь, ухватившись за это, продолжил убеждать его:

— Вот видишь! Мы ведь не враги, я не твой узник, тебе не нужно стоять у меня над душой. Если у тебя будут свои дела, я могу вести себя тише и оставить время для тебя.

Сердце Фань Юцзюэ дрогнуло. Он размышлял, как определить их отношения, но, по правде говоря, такой вариант его устраивал — совсем как говорил Ян Ишань перед уходом.

Освободившись от внутренних терзаний, Фань Юцзюэ погрузился в игру Лань Чэяня. Окончательно отпустив себя, он достал ожерелье и воспользовался моментом, чтобы надеть его на Лань Чэяня. Тот, удивленный такой переменой, радостно воскликнул:

— Ты, старое дерево, когда прозрел, стал действовать быстро! Но где ты его украл?

Фань Юцзюэ рассмеялся, подозвал Лань Чэяня ближе и прошептал:

— Это ожерелье Ян Ишаня, я его стащил. Все равно оно лежало без дела. Он говорил, что его подарил важный человек и в нем есть функция обнаружения. Раз уж мы начали, давай играть по-настоящему.

Глядя на драгоценное ожерелье, Лань Чэянь был счастлив, будто совершил нечто грандиозное,

и даже дал Фань Юцзюэ «пять».

А Ян Ишань, ни о чем не подозревая, был занят делами. За его спиной стояли ряды имен, каждое из которых соответствовало сосуду. Поставив один из них на место, он вышел из помещения.

В это же время Юй Иньянь, который снова превратился из адвоката У в себя, был занят телефоном. Он получил фотографии от Лань Чэяня с подписью о том, что это их «красивая любовь после спасения из ада», и приложенный снимок с пулевым отверстием.

Зная, к чему все идет, Юй Иньянь не удивился. Просмотрев сообщение, он выложил фотографии в социальные сети, не забыв и про снимок с пулевым отверстием. Сделав это, он заговорил с Лэй Юйвэнем:

— Юйвэнь, я хочу сказать тебе кое-что.

Лэй Юйвэнь к этому моменту уже успокоился и, услышав, что Юй Иньянь хочет что-то обсудить, внимательно прислушался:

— Говори, брат, я слушаю.

Юй Иньянь отложил телефон, посмотрел прямо в глаза Лэй Юйвэню и сказал:

— Убийцы начали действовать. Это значит, что скоро ты станешь их целью. Конечно, это и было нашей целью, поэтому впереди тебя ждет немало угроз.

Услышав это, Лэй Юйвэнь больше не испугался, скорее, почувствовал смирение:

— Все в порядке. Если это поможет что-то изменить, то любые угрозы не страшны. Разве я не человек, который уже однажды умирал?

Глядя на решимость Лэй Юйвэня, Юй Иньянь был глубоко тронут. Но раз уж все началось, пути назад нет. Если не продолжать, будущее останется таким же темным. Ведь единственный способ наказать злодеев — это поставить их на то же место, где они оказались сами. Возможно, это экстремально, но только так будущее станет светлее.

Юй Иньянь напоследок погладил Лэй Юйвэня по голове и сказал:

— Независимо от того, изменится ли финал, я надеюсь, что, когда ты начнешь все сначала, твое будущее будет светлым.

Лэй Юйвэнь улыбнулся, поблагодарил его, и Юй Иньянь ответил тем же.

Было восемь утра. Лань Чэянь и Фань Юцзюэ, решив, что время пришло, вместе показались в холле, обнявшись. За ними уже следили. Конечно, зная об этом, они вели себя непринужденно.

Дождавшись, пока сотрудник отеля подаст машину Фань Юцзюэ, они с сожалением попрощались, и Лань Чэянь проводил взглядом уезжающего Фань Юцзюэ.

Только тогда появился Юй Иньянь, чтобы забрать Лань Чэяня. Их целью была больница, и всю дорогу за ними следили. И Лань Чэянь, и Юй Иньянь знали: утренние события показали, что противник занервничал, поэтому они вели себя максимально расслабленно.

Сидя в машине, Лань Чэянь сложил руки на груди и улыбался. Он выглядел так безмятежно, что казалось, никакой опасности не существует. Юй Иньянь тоже не паниковал, но был куда осторожнее. Видя, как легкомысленно ведет себя Лань Чэянь, он не на шутку забеспокоился и спросил:

— Я знаю, что ты спокоен, но ты слишком расслаблен. Противник разозлится еще сильнее, ты ведь ни во что их не ставишь, даже не считаешь за людей. К чему такая беспечность?

Юй Иньянь спросил серьезно, но Лань Чэянь ответил беспечно:

— Ты глупый? Я спокоен, потому что знаю, что у нас есть прикрытие. Ты, смертный, этого не поймешь.

Эти слова озадачили Юй Иньяня: Фань Юцзюэ только что уехал, и за ними больше никто не следовал, только та самая машина. Юй Иньянь не понимал, откуда у Лань Чэяня такая уверенность.

— Откуда такая самоуверенность? Если они действительно сорвутся, мы не избежим побоев. Не забывай, мы с тобой мастера только языком чесать.

Юй Иньянь хорошо знал их возможности: в драке они могли только притвориться, а если дойдет до дела — они бессильны, особенно Лань Чэянь, который был еще слабее его. Однако Лань Чэянь был счастлив, потому что знал, кто едет позади — он успешно перетянул кого-то на свою сторону. Он был уверен, что его не тронут, но, видя, что Юй Иньянь ничего не понимает, пояснил:

— Ты видел только одну машину, которая следовала за нами? — Юй Иньянь кивнул. — А теперь посмотри еще раз.

Лань Чэянь наклонил голову, Юй Иньянь понял намек и взглянул в зеркало заднего вида. Действительно, за той машиной следовала еще одна. Удивленный Юй Иньянь, продолжая вести машину, с сомнением спросил:

— И кто там? Неужели ты за моей спиной снова нашел себе какого-то дикого мужчину? И в этот раз даже взял его с собой? Говорю тебе, я не согласен!

Лань Чэянь возненавидел себя за то, что создал у Юй Иньяня такое впечатление, и вынужден был объясниться:

— Разве в наши дела может вмешаться какой-то левый мужик? Да и если бы они узнали, с

какими людьми — или духами — я общаюсь, они бы со страху в штаны наложили.

Юй Иньянь подумал, что это правда, иначе Лань Чэянь не приложил бы столько усилий, чтобы найти его и принудить к сотрудничеству. Но если это не «дикий мужчина», то кто? Внезапно осознав опасность, Юй Иньянь воскликнул:

— Только не говори мне, что в это замешан кто-то еще! Ты нажил врагов не на одной стороне, я не выдержу такого давления!

Лань Чэянь, чье прекрасное настроение было испорчено, прошипел:

— Не заставляй меня бить тебя в самый счастливый момент! Как ты мог обо мне так подумать? Ты ведь мой человек!

Успокоившись, Лань Чэянь снова стал беззаботно счастливым и уверенно пробормотал:

— Похоже, у меня талант охмурять мужчин. Даже такой выдающийся человек попал в мои сети.

Юй Иньянь, не оставляя попыток узнать, кто этот человек, продолжил допрос:

— Так кто это? Эй, погоди, если ты так уверен в себе, значит, противник непрост. Если даже ты считаешь его выдающимся, то он точно не обычный человек.

Юй Иньянь начал перебирать варианты и вдруг осенило:

— Не может быть! Ты не мог его заполучить! Предупреждаю, нельзя использовать общественное достояние как свою личную собственность!

Но потом он сам себя опроверг:

— Нет, невозможно. Ты тогда приложил все силы и не смог его взять, тебя еще и отругали. Как он мог прийти тебе на помощь? Он такой «стальной», ты его точно не сломаешь.

Лань Чэянь, у которого кончилось терпение, переключил машину на автопилот, схватил Юй Иньяня за горло и зарычал:

— Раннее утро, я долго терпел! У меня было такое хорошее настроение, а ты все испортил!

Юй Иньянь, задыхаясь, начал хлопать Лань Чэяня по руке, прося пощады:

— Извини, я ошибся! Не стоило сомневаться в тебе, это я был поверхностным.

Лань Чэянь отпустил его, Юй Иньянь вернулся к управлению, а Лань Чэянь окончательно потерял былое веселье. Он сдался, так как в компании Юй Иньяня притворяться не получалось, и объяснил:

— Это не кто-то «такой». Ты не узнал его, потому что мыслишь стереотипно. А он просто

использовал немного магии и сменил машину.

Юй Иньянь быстро сообразил:

— Ты хочешь сказать, что тот, кто едет сзади, на самом деле — твой «обруч»?

Лань Чэянь недовольно ответил:

— Не называй его так, старый ты коршун! Он теперь наш партнер, ценный помощник, понятно?

Снова услышав слово «коршун», Юй Иньянь вспыхнул:

— Еще имеешь наглость напоминать! Оговорка была твоя, а расхлебывать пришлось мне! Как можно совершать такие ошибки?

Лань Чэянь, одержав верх, снова повеселел:

— Не злись, мне кажется, это тебе очень подходит: такая же способность к захвату целей, как у коршуна, и статная фигура.

Юй Иньянь, польщенный, сменил гнев на милость:

— Но как он согласился работать с тобой? У вас же отношения надзирателя и заключенного.

Хотя Лань Чэянь не любил об этом говорить, он успешно переломил ситуацию, поэтому на его лице читалось самолюбование:

— Это потому, что я умный. Одной фразой изменил ситуацию и отношения.

Юй Иньянь подумал, что это правда: Лань Чэянь — рецидивист в таких делах. Пусть он кажется сумасбродным, но в критический момент всегда может склонить других на свою сторону. В этом и есть его шарм: зло — это добро, добро — это зло, он ходит по лезвию, поэтому так свободен.

Однако в этот раз Юй Иньянь чувствовал, что Фань Юцзюэ тоже непрост, и предупредил:

— Но ты все же не будь слишком самоуверен. Те, кого легче всего убедить, скорее всего, так же неуправляемы, как и ты. Если в критический момент он сделает что-то против тебя — будет беда.

Лань Чэянь не придавал значения словам Юй Иньяня, ответив уверенно:

— Не волнуйся. Если он что-то и сделает — пусть делает. Я стал тем, кто я есть, не благодаря еде.

Юй Инъянь давно знал о безразличном отношении Лань Чэяня, но в этот раз человек — или не совсем человек — казался ему еще сложнее. Дело не в их силе, а в информации, которую они скрывали. Но раз уж так вышло, оставалось только идти вперед. Юй Инъянь больше ничего не сказал.

Вскоре они подъехали к больнице. Юй Инъянь свернул на территорию. Машина, следовавшая за ними, тоже свернула, но Юй Инъянь и Лань Чэянь продолжили игнорировать этот факт, будто ничего не замечали.

<http://bllate.org/book/22522/2378638>